

Научная статья

[https://doi.org/ 10.23672/SEM.2023.50.86.014](https://doi.org/10.23672/SEM.2023.50.86.014)

УДК 81'42:82-31:124.5

РЕЧЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕРОЕВ РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ

*Немыка А.А.¹, Легина Е.И.², Рыбальченко О.В.³, Сапожников П.В.⁴
Кубанский государственный университет^{1,2},
Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Труби-
лина³,
Институт русского языка Российского университета дружбы наро-
дов имени Патриса Лумумбы⁴*

Аннотация. В статье рассматриваются речевые портреты основных героев романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Дается характеристика разных уровней языковой личности персонажей произведения, показана роль речевой характеристики основных и второстепенных героев романа для целостного представления языковой картины всего произведения, проанализированы аксиологические параметры языковой личности персонажей. Авторами делаются выводы о функциональной и аксиологической специфике репрезентации языковых портретов персонажей, имеющих различные функции: характеризующую, выделительную, сравнительную и психологическую. Также, при анализе языка ключевых и второстепенных героев романа, отмечена необходимость обращения ко всем слоям лексического, фонетического и синтаксического строя речи. Проводя комплексное исследование речевых особенностей героев романа и делая выводы об их ключевых ценностных параметрах, авторы статьи намечают перспективы исследования текста М.А. Булгакова в рамках аксиологических лингвистических исследований.

Ключевые слова: речевой портрет, аксиологические параметры, речевая характеристика, речевая личность.

SPEECH CHARACTERIZATION OF THE HEROES OF M.A. BULGAKOV'S NOVEL "MASTER AND MARGARITA": AXIOLOGICAL PARAMETERS

*Anna A. Nemyka¹, Elizaveta I. Lyagina², Olga V. Rybalchenko³,
Pavel V. Sapozhnikov⁴
Kuban State University^{1,2},
Trubilin Kuban State Agrarian University³,
Institute of Russian Language, Patrice Lumumba Peoples' Friendship Uni-
versity of Russia⁴*

Abstract. The article examines the speech portraits of the main characters of the novel by M.A. Bulgakov "The Master and Margarita". The characteristics of different levels of the linguistic personality of the characters in the work are given, the role of the speech characteristics of the

main and secondary characters of the novel for a holistic presentation of the linguistic picture of the entire work is shown, the axiological parameters of the linguistic personality of the characters are analyzed. The authors draw conclusions about the functional and axiological specificity of the representation of linguistic portraits of characters that have different functions: characterizing, excretory, comparative and psychological. Also, when analyzing the language of the key and minor characters of the novel, the need to address all layers of the lexical, phonetic and syntactic structure of speech was noted. Conducting a comprehensive study of the speech characteristics of the novel's characters and drawing conclusions about their value parameters, the authors of the article outline the prospects for studying M.A. Bulgakov's text within the framework of axiological linguistic research.

Key words: *speech portrait, axiological parameters, speech characteristics, speech personality.*

Введение.

Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» можно назвать произведением, подтверждающим авторский афоризм – предсказание: «рукописи не горят» [2, с. 365]. Вокруг булгаковского текста до сих пор не утихают споры литературоведов и лингвистов. Это касается не только проблематики романа, но и речевой характеристики героев «Мастера и Маргариты». Речевой портрет помогает раскрыть характер персонажа, даёт читателю возможность погрузиться во внутренний мир героя, увидеть особенности исторического времени. Анализируя речевой портрет, мы характеризуем разные уровни языковой личности. Языковая личность – это «сквозная идея, которая пронизывает все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка» [6, с. 3].

В произведении М.А. Булгакова показано противоборство двух миров. По словам Романенко А.П., «роман Булгакова построен на противопоставлении и конфликте двух планов –

реального, представленного московской действительностью, и ирреального...» [9, с. 17]. Хотя композиция произведения сложна и многогранна, а фантастический мир органично введён в мир московской обыденности, мы, всё же, можем разделить героев на две группы: первая – это повествование о Понтии Пилате и Иешуа, вторая – действующие лица Москвы 1930 – х годов.

Представляется актуальной речевая характеристика основных персонажей романа (их выбор продиктован количеством реплик и сюжетной значимостью), аксиологические аспекты их характеристики. Автор в ершалаимских главах придерживается «нейтрального стиля, вводя нескольких «трансляторов» и насыщая повествование историческими реалиями». Благодаря такому подходу, читатель начинает думать, что «ершалаимская история и ее герои «объективно» существовали» [8, с. 5].

Обсуждение.

В книге «О художественной прозе» В.В. Виноградов выдвинул теорию о возможности рассматривать персонаж художественного произведения в качестве языковой личности

[4, с. 45]. Речевой портрет героев служит одной из характеристик художественного образа. Ведь, «литературный образ может существовать не иначе, как в словесной оболочке» [5, с. 72].

Индивидуальные черты речевого портрета персонажа вмещают в себя и лексикон героя, и темп речи, и строение синтаксических конструкций. Важно учитывать также ремарки автора в отношении героев. Все эти критерии, в совокупности, дадут читателю увидеть речевой портрет персонажей. Речевая характеристика персонажа включает в себя «содержание его высказываний» и «манеру речи» [5, с. 32]. При характеристике речи героев важно проследить все пласты лексики. Нужно понять, в каком соотношении автор использует нейтральную, книжную или разговорную лексику, создавая речевой портрет своего персонажа. Необходимо проанализировать синонимические ряды, художественную выразительность речи героев произведения. Речь персонажа может быть сухой и необразной, а может изобиловать тропами.

Исследователь творчества М.А. Булгакова Е.А. Яблоков в статье «Я – часть той силы...» ёмко и точно говорит об основной проблеме, затронутой в романе: это соотношение «Мир – Человек – Истина» [10, с. 4]. А ведь человек неотделим от своей речи, она составляет его мир и может помочь читателю увидеть истину. На страницах романа автор показывает читателю иное понимание «природы добра и зла, свободы и несвободы,

правды и неправды, жизни тела и жизни духа» [2, с. 1].

А некоторые из советских людей именно через бессмертные страницы романа Булгакова открыли для себя Библию. Поэтому интерес для нашей работы представляют и московские, и ершалаимские главы. Речевой портрет персонажей в этих главах показывает читателю два противопоставленных друг другу мира: мир мистический, библейский и мир советского пространства. Именно об этом аспекте произведения пишет исследователь А.П. Романенко: «Филологически в романе это противопоставление выражается в противопоставлении двух типов словесности – художественной (повествование о Христе и Пилате, жизнь Мастера) и документной, организующей и объясняющей советскую жизнь» [9, с. 17].

Актуальность работы связана с небольшим объёмом исследований в области анализа речи персонажей романа Булгакова «Мастер и Маргарита», хотя речевой портрет его персонажей отличается яркостью и самобытностью. Исследования в этой области часто имеют слишком обобщённый характер: авторы анализируют речь героев Булгакова не в отдельном произведении а, во многих, сравнивают язык персонажей Булгакова с речью героев произведений других авторов. Среди таких исследований можно назвать работы З.С. Санджи-Гаряевой «А. Платонов и М. Булгаков: принципы изображения языка власти», «Изображение и трансформация советского языка в

произведениях М. Булгакова», «Советизмы в сатире М. Булгакова» [1, с. 2].

Результаты.

Для Понтия Пилата характерно использование исконной литературной лексики; иногда, прокуратор сочетает её с разговорными, стилистически окрашенными выражениями, что делает образ героя более живым: «Так это ты подговаривал народ разрушить ершалаимский храм?» [2, с. 86]. Булгаков показывает нам «одно временно бесчеловечную природу любой власти и ее тяжкое бремя» [6, с. 28]. Ведь Пилат, понимая несправедливость казни Иешуа, испытывает нравственные страдания и получает наказание длиной в две тысячи лет. Для речевого портрета персонажа иногда используется языковая игра; мы видим переосмысление внутренней формы фразеологизма: «Не знаю, кто подвесил твой язык, но подвешен он хорошо» [2, с. 94].

Интересна и просодическая характеристика Понтия Пилата. Комментарии автора ясно говорят нам о нервном, возбуждённом состоянии героя. В начале разговора Пилат своей властью хочет заставить арестанта говорить правду, но у прокуратора невыносимо болит голова. Пилат, пытаясь это скрыть, испытывает физические и нравственные страдания: «сидел как каменный», «монотонно прибавил», «глаз уставился на арестованного» [2, с. 88,89]. Когда Пилат понимает, что перед ним философ, а не преступник, речевые доминанты существенно меняются: «произнёс мягко и монотонно», он волну-

ется, намереваясь спасти арестованного «раздался сорванный, хриплый голос» [2, с. 92,85]. Пилат под гнётом обстоятельств утверждает смертный приговор, и тогда голос его звучит «торжественно и сухо». За внешней силой, нарочитой грубостью мы видим нравственные метания героя. Понтий Пилат внутренне становится последователем учения Иешуа, но сам боится это признать.

Иешуа Га-Ноцри можно назвать «духовным центром, магнитом, главной загадкой» романа [3, с. 30]. В каждом человеке Иешуа видит хорошие стороны, это ясно по обращениям, которые он использует: «Добрый человек! Поверь мне...» [2, с.87]. Мы заметили, что эпитет «добрый» часто употребляется героем и не в качестве обращения: «Этих добрых людей я не знаю», «С тех пор как добрые люди изуродовали его...» [2, с. 95]. В тексте также можно увидеть использование антонимов добрый/ злой в речи Га-Ноцри: «злых людей на свете нет» [2, с. 89]. Часто, повторение таких эпитетов, обращений помогает нам понять философию Иешуа, увидеть его нравственные принципы. Герой считает, что любого человека можно повернуть лицом к истине, в любом есть луч добра, только это нужно увидеть и раскрыть.

Речь Га-Ноцри литературная, правильная, в монологах герой использует развёрнутые высказывания: «Истина, прежде всего, в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти» [2, с. 92]. Га-Ноцри – не вол-

шебник, герой, скорее, выступает хорошим психологом, по мельчайшим деталям поведения других людей узнающим истину: «Истина, прежде всего в том, что у тебя болит голова ... Это очень просто, ... ты водил рукой по воздуху, ... как будто хотел погладить» [2, с. 89]. Головную боль Пилата Га-Ноцри объясняет рационально, но этим удивляет его. Хотя исследователи замечают, что «Булгаков постоянно снижает образ Иешуа, намереваясь показать его как простого смертного, тем не менее он все равно предстает провидцем и магом - целителем» [3, с. 32].

По комментариям автора к речи персонажа мы можем сказать, что Иешуа всегда доброжелателен, проявляет участие к людям, ни в ком не видит зла, разговорчив, хочет, чтобы ему верили: «мечтательно сказал арестант» [2, с. 97], «весь напрягаясь в желании убедить» [2, с. 91]. Всеми возможными средствами, куда включена и речевая характеристика героя, «автор акцентирует этическую незыблемость Иешуа, который ни в слове, ни в жизни, ни в смерти не отступил от Добра» [8, с. 5].

Следует отметить, что Булгаков объединяет «новые языковые элементы с народной речью, канцеляризм и газетные штампы с книжным стилем» [1, с. 4]. Новый советский язык в романе обыгрывается сатирически: «Свет надо тушить за собой в уборной... - а то мы на выселение на вас подадим...» [2, с. 261]. Здесь видны реалии советской действительности: «уборная», «выселение», «при-

мус». Также, следует обратить внимание на использование канцелярской лексики в московских главах. Автор прекрасно видел «канцеляризацию советской действительности»: «в содержании романа (в московской его части) документ предстает, во-первых, как основа, стержень жизни, Во-вторых, он – своего рода лакмусовая бумажка, идентификатор личности персонажей романа» [0, с. 18]. Пытаясь задержать Воланда на Патриарших, Берлиоз сразу вспоминает про документы: «Спрашивай у него документы, а то уйдёт...» [2, с. 84]. Интересно, что после исчезновения Воланда и свиты разные ведомства безуспешно «пытаются осуществить документную идентификацию Воланда и связанных с ним событий» [9, с. 19].

Автор в речи персонажей московских глав сочетает книжную лексику со сниженной, употребляет неологизмы советского периода и устаревшие слова: «... будем говорить прямо...с нечистой силой знается...» [2, с. 139], «Вы, профессор, воля ваша, что – то нескладное придумали» [2, с. 80], «Как вы говорите? Ась?» [2, с. 197], «Ни при валюте мы сегодня... не позже понедельника... отдадим всё чистоганом» [2, с. 431] Воланд является одним из основных персонажей романа, поэтому его речевой портрет очень важен.

Представляется актуальным анализ некоторых фонетических аспектов речевой характеристики персонажа. Булгаков несколько раз указывает на акцент профессора магии: «Извините меня, пожалуйста, - заговорил подошедший с иностранным

акцентом, но не коверкая слов...» [2, с. 11]. Не во всех ситуациях Сатана использует акцент, когда он говорит на серьёзные темы, эта особенность речи исчезает: «... и он сказал, но уже без всякого акцента, который у него, чёрт знает почему, то пропал, то появлялся» [2, с. 108]. Мы поняли, что это может быть связано со смеховым началом персонажа в московской действительности и философской глубиной образа Сатаны в других планах романа. Речь Воланда литературная, иногда он подчёркнуто вежлив, но несколько с издёвкой: «Позвольте вас поблагодарить от всей души!» [2, с. 79], такими восторженными словами Князь Тьмы благодарит Берлиоза и Ивана за предоставленные ему сведения об атеизме советских людей. Интересны обращения в речи персонажа, он чаще вежлив, но во фразах видна скрытая ирония: «... дражайший Степан Богданович», - вежливо обращается Воланд к полупьяному Лиходееву, которого через минуту отправит в Ялту [2, с. 153]; «Голубчик, это вздор», «... почтеннейший... Драгоценный мой...» [2, с. 181] вежливо, но с иронией обращается чёрный маг к буфетчику, у которого осетрина тухлая. Нас заинтересовало и обращение к Маргарите: когда она не стала сама ничего просить у Воланда, он говорит героине: «Сядьте, гордая женщина» [2, с. 361]. На наш взгляд, такое обращение ещё раз показывает, что Князь Тьмы достаточно справедлив и каждому даёт по заслугам.

В речи Воланда много устаревших слов: будучи, коих, ежели, досто- чтимый, ибо, помилосердствуйте,

прокляты. Часто использует книжную лексику, включающую вводные конструкции. Есть в речевом портрете библейская лексика: Бог, Евангелие, Иисус, дьявол, - «Имейте в виду, что Иисус существовал» [2, с. 86]. Нам представляется это естественным для характеристики вечного образа Князя Тьмы: Сатана существует вне времени и пространства. В лексике героя присутствуют стилистически окрашенные разговорные фразеологизмы: «вообще, так сказать, входите во вкус...», «Вы, чуя неладное...» [2, с. 81], «Кирпич ни с того ни с сего... никому и никогда на голову ни свалится» ...», «сию минуту приехал...» [2, с. 112].

Выбор синтаксических конструкций в речи Воланда разнообразен и даже больше, чем лексический план, придаёт речи персонажа выразительность. В монологах преобладают сложные предложения: «Неужели вы скажете, что это он сам собой управил так?» [2, с. 118], «... Жаль только, что я не удосужился спросить у профессора, что такое шизофрения» [2, с. 84]. Он использует неполные предложения, когда отдаёт краткие приказания или выносит свой вердикт в виновности других героев: «Кресло мне» [2, с. 152], «Извинить не могу!» [2, с. 281]. Иногда видим синтаксический параллелизм: «Неужели ж вам не будет приятно писать при свечах гусиным пером? Неужели вы не хотите, подобно Фаусту, сидеть над ретортой в надежде, что вам удастся вылепить нового го- мункула?» [2, с. 492]. Яркости речи способствует использование вводных

конструкций и вводных слов разной стилевой окраски: «спрашивается, скажем, как известно, воля ваша, стало быть» и под. [2, с. 53].

Речевой портрет Князя Тьмы помогает увидеть двойственность этого персонажа: смеховое начало в реальном плане и трагический глубокий образ в ирреальном мире. Его речь лаконична, логична, мы видим властителя, которому нельзя сопротивляться. В необходимой речевой ситуации речь Воланда становится выразительной, во многом благодаря использованию фразеологизмов, разговорной и просторечной лексики наряду с книжными выражениями и разнообразию синтаксических конструкций.

Образ Мастера противоречив, что можно увидеть и в его языковом портрете. Чаще всего, герой использует правильную литературную речь: «Об одном жалею, что на месте этого Берлиоза не было критика Латунского...», «Нельзя было держать себя с ним столь развязно и даже нагло вато. Вот вы и поплатились» [2, с. 207], «Не плачь, Марго, не терзай меня, я тяжело болен» [2, с. 363]. Видно, что Мастер – образованный человек, который даже в самых безнадежных ситуациях не может быть груб, не отступает от своих нравственных принципов. Несмотря на не очень частое появление героя в романе, при встрече с Иваном Мастер сумел поведать тому обо всей своей жизни. В этих главах герой говорит эмоциональными развёрнутыми монологами: «Мы разговаривали так, как будто знали друг друга много

лет...». Его литературная речь полна выразительных средств: необычные метафоры: «Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке...» [2, с. 213]; яркие эпитеты: «тайная жена», «ветхая калитка» [2, с. 213]. Его интонация часто тревожная, нестабильная, есть вводные слова и конструкции: «Да... но вы, надеюсь, не буйный? А то я, знаете ли, не выношу шума...» [2, с. 205]. Этим Булгаков хотел показать эмоциональную неустойчивость, тревожность героя, которая объясняется неудачей с романом (делом всей его жизни).

Образ Маргариты двойственен, она предстаёт в двух ипостасях: как земная женщина и как ведьма. Эту двойственность можно проследить и по речи героини. В первом проявлении это несчастливая женщина, живущая в роскоши, но до знакомства с Мастером не знающая настоящей любви. Она говорит так, как и любая образованная женщина того времени. Иногда бывает романтична: «Я погибну вместе с тобой. Утром я буду у тебя» [2, с. 221]; «Нужно было или забыть его, или самой умереть» [2, с. 292]. Бывает и груба в своей обиде и ярости, когда видит состояние любимого после сожжения романа или когда следит за похоронной процессией Берлиоза: «Я ещё кой – кого ненавижу...» [2, с. 300]. Нелицеприятно, с применением просторечной лексики характеризует она Азazelло при знакомстве на улице: «Новая порода появилась: уличный сводник», «мерзавец» [2, с. 301]. Когда добивается своей цели, может применять фразы,

характеризующие советскую действительность: «Его арестовали вчера... А ваша как фамилия?» [2, с. 355]. Подобными выражениями Маргарита заставляет делать людей то, что ей нужно.

По мере развития повествования другая ипостась героини проявляется всё сильнее. В её речи всё больше грубых слов и обращений, яростных интонации: «Ты бы брюки надел, сукин сын» [2, с. 322]. Она полна желания спасти Мастера любой ценой: «Еду. Еду куда угодно» [2, с. 303]. Интересно, что связь этих сторон героини видна в речевой характеристике, данной ей автором ещё до появления Воланда. Булгаков замечает, что у Маргариты низкий «со срываками», хриплый голос. Называет её «чуть косящей на один глаз ведьмой» [2, с.380]. Различаются характеристики, данные речи героини Булгаковым в каждой из ипостасей. Для Маргариты – земной женщины используются глагольные формы «помолчала», «воскликнула», «шептала»; наречия «сквозь зубы», «тихо», «торжественно», «задумчиво», «сухо», «молящее». Такие характеристики могут показывать растерянность Маргариты, живущей с нелюбимым мужем, а также «покорность внешним обстоятельствам во имя спасения дорогого человека» [9, с. 6]. Вот характерная для героини фраза, когда она в образе обычной женщины: «Простите, простите, — бормотала покорная теперь Маргарита» [2, с. 387]. По подобным фразам понятно, что героиня боится открыть свои истинные чувства к Мастеру, вынуждена плыть

по течению, не знает, как ей действовать, она покорна своей несчастливой судьбе. Очевидно, что речевые характеристики Маргариты различны: от покорности и пассивности она переходит к действию, ведёт за собой растерявшегося Мастера. Мы видим образ героини в развитии, он трансформируется.

Представляется значимым и исследование особенностей речи второстепенных персонажей московских глав. Интересен речевой портрет Ивана Бездомного. В начале романа Иван и обликом, и речью вписывается в образ типичного советского гражданина. Он бывает груб и резок, использует советизмы, характеризующие советскую действительность: «Взять бы этого Канта, да... года на три на Соловки!», «А ты лезешь ко мне со своими глупостями! Кретин!», «Сволочь...» [2, с. 134-135]. В последних примерах герой применяет разговорную и жаргонную лексику; видно, что он в крайней растерянности, не понимает, как выйти из ситуации.

Пролетарский поэт готов выполнять социальный заказ, с интересом внимает речам своего духовного учителя Берлиоза об отсутствии Христа. Но Бездомный меняется под воздействием нового учителя – Мастера, а начало этому положено на Патриарших прудах. Будучи под влиянием идей Берлиоза, Иван использует разговорную лексику: «Ишь, и не жарко ему в перчатках» [2, с.77]. Разговорная частица «ишь» показывает удивление персонажа, простому советскому гражданину не понятна при-

вычка иностранца носить в жару перчатки. Уже находясь в больнице, Иван тоже часто использует разговорную лексику, что типично для советского гражданина, пребывающего в волнении: «Ну вот, стало быть, я иконку на грудь пришили и побежал» [2, с.139]. В сильном волнении герой может употреблять неправильные грамматические формы слов: «Нету никакого дьявола» [2, с.113]. Иван, как и Коровьев, иногда упоминает чёрта: «Какого чёрта ему надо?» - думает Иван при появлении иностранца на Патриарших прудах [2, с.78], «Да чёрт их возьми, олухов...» [2, с.138]. На наш взгляд, это - своеобразная словесная игра автора. Ведь, именно с чёртом (Воландом) Иван и встречается, именно Сатана меняет жизнь героя.

Важны и просодические характеристики героя. Когда Иван понял, что консультант знал заранее о смерти Берлиоза, то он «грозно сказал ... и почувствовал холодок под ложечкой», «теряется», «впав в гнев, прокричал» [2, с.117]. Булгаков показывает, что Иван пытается по советской привычке грозным тоном привлечь профессора к ответственности, но сам чувствует бесплодность этой попытки. Попадая в больницу, Иван «воскликнул, сердясь на общую бестолковость...» [2, с.139].

После встречи с Сатаной на Патриарших Иван растерян, от этого злится, пытается обвинить Рюхина в незаконном задержании: «Типичный кулачок по своей психологии» [2, с.138]. В этой фразе Иван соединяет книжную лексику «типичный» со сти-

листически окрашенным разговорным словом, в котором есть уменьшительный суффикс-ок («кулачок»). В разговоре с профессором он снова употребляет подобное слово: «Взял я на кухне свечечку...». Такие слова нетипичны для поэта Ивана Бездомного, они ещё больше показывают изменение его сознания, растерянность перед неведомыми силами. Только что отрицавший наличие Христа, человек берёт «иконку» и «свечечку», чтобы спастись от нечистой силы. В больнице Иван произносит: «Слава те господи» [2, с.137]. Мы считаем, что всё это говорит о начале изменений в сознании героя, его повороте к истинной вере.

Показательны и синтаксические конструкции, которые использует Иван в разных коммуникативных ситуациях. В больнице, находясь в волнении, он говорит отрывочными предложениями, в волнении повторяет слова, использует парцелляцию: «Ну да, иконка...- иконка – то больше всего их и напугала... но дело в том, что он, консультант, он...» [2, с.139] или «Да нечего на меня так смотреть! Верно говорю! Всё видел – и балкон, и пальмы» [2, с.139]. Здесь использована парцелляция, изменён порядок слов, в последнем примере интонация предложений восклицательная. Такая сбивчивая, неровная манера речи показывает крайнюю растерянность героя в данной ситуации. Мы заметили, что Иван часто использует вводные слова и конструкции разговорного стиля: «Был, словом, у Понтия Пилата», «Ну вот, стало быть» [2, с.139].

Можно отметить, что речь Ивана меняется в зависимости от ситуации. Пребывая в непонятных для него обстоятельствах, он говорит сбивчиво, меняет порядок слов, употребляет разговорную лексику, часто использует вводные слова, пытаясь убедить собеседников в своей правоте. В более спокойном состоянии он говорит грубовато, использует советизмы.

Берлиоз пользуется литературным, правильным языком: «Ваш рассказ чрезвычайно интересен» [2, с.111], «Нет ни одной восточной религии..., в которой, как правило, непорочная дева не произвела бы на свет бога...» «В нашей стране атеизм никого не удивляет» [2, с.76]. При этом может в одной фразе использовать и разговорную лексику: «Ни одно из этих доказательств ничего не стоит, и человечество давно сдало их в архив» [2, с.79]. В этом предложении есть разговорный фразеологизм «сдать в архив» - признать ненужным. Как и Иван, он часто поминает чёрта «Фу ты чёрт..» [2, с.75]. Речевой портрет Берлиоза показывает, что он неглупый, начитанный человек, но совершенно не может изменить своё мнение, он закостенел в неверии.

Заключение.

Булгаков в одном контексте употребляет слова в прямом и переносном смысле, сочетает лексику разных стилей. Автор своеобразно «оживляет» внутреннюю форму слова; его герои понимают фразеологизмы и общезыковые метафоры в прямом смысле, фразеологизмы в тексте часто разрушаются: «...то первым делом следует кричать» вместо «первым делом» [2, с. 117], «ведь это в голову не лезет» вместо «в голове не укладывается» [2, с. 153], «голове ему оторвать» (далее происходит отрывание головы в прямом смысле) [2, с. 197].

Язык персонажей романа М.А. Булгакова является средством типизации и индивидуализации характеров, он метафоричен. В романе множество символов, зашифрованных аналогий, мистических отсылок, но при этом речь персонажей последнего романа великого Булгакова понятна читателю. Роман «подобен «магическому кристаллу», преобразующему реальность в соответствии с волей автора» [7, с. 5]. Текст Булгакова на всех его уровнях является актуальным элементом нашей языковой картины мира, репрезентирующим национальные аксиологические доминанты.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Абжалимова А.Ш. Речевые характеристики героев романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: автореферат бакалаврской работы. Кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики. - Саратов, 2022. - 12 с.
2. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. - Москва, 2018. – 637 с.
3. Белобровцева И.З. Путеводитель по роману М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». - Москва, 2012. – 461 с.
4. Виноградов, В.В. О художественной прозе / В.В. Виноградов. — М.; Л.: Наука, 1930. –186 с.
5. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учебное пособие: для студентов и преподавателей филологических факультетов, учителей-словесников / А. Б. Есин. - 10- е изд. - Москва: Флинта: Наука, 2010. - 248 с.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. - Москва: ЛКИ, 2010. – 264 с.
7. Ковтун Е.Н. Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века). — Москва: Изд-во МГУ, 1999. – 308 с.
8. Корнеев А.С. Функции речевых характеристик в ершалаимских главах романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Язык. Культура. Коммуникации. - 2014. - № 3. - С. 1-2.
9. Романенко А.П. Документ в содержательной и духовной структуре романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Известия Саратовского государственного университета. - 2010. - № 1. - С. 17 – 20.
10. Яблоков Е. А. «Я – часть той силы...»: Этическая проблематика романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Русская литература, 1988. - № 2. - С. 4-31.

References:

1. Abzhalimova A.Sh. Speech characteristics of the heroes of M. A. Bulgakov's novel "Master and Margarita": abstract of bachelor's thesis. Department of theory, history of language and applied linguistics. Saratov, 2022. - 12 p.
2. Bulgakov M.A. The Master and Margarita. Moscow, 2018. - 637 p.
3. Belobrovtsseva I.Z. Guide to the novel by M. A. Bulgakov "Master and Margarita". Moscow, 2012. - 461 p.
4. Vinogradov, V.V. About artistic prose / V.V. Vinogradov. Vinogradov. - M.; L.: Nauka, 1930. -186 p.
5. Esin, A. B. Principles and methods of analyzing a literary work: textbook: for students and teachers of philological faculties, teachers-wordsmiths / A. B. Esin. - 10th ed. – Moscow: Flinta: Nauka, 2010. - 248 p.
6. Karaulov Y.N. Russian language and linguistic personality. Moscow: LKI, 2010. - 264 p.
7. Kovtun E.N. Poetics of the extraordinary: Artistic worlds of fantasy, magic fairy tale, utopia, parable and myth (On the material of European literature of the first half of the XX century). - Moscow: Izd-vo MSU, 1999. - 308 p.
8. Korneenko A.S. Functions of speech characteristics in the Yershalaim chapters of M.A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita". Language. Culture. Kommunikatsii. -2014. - № 3. - P. 1-2.
9. Romanenko A.P. Document in the content and spiritual structure of M. Bulgakov's novel "Master and Margarita". Izvestiya Saratov State University. - 2010. - № 1. - P. 17 - 20.

10. Yablokov, E. A. "I am a part of that power...": Ethical problematics of M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita" // *Russian literature*, 1988. - № 2. - P. 4-31.

Информация об авторах:

Немыка Анна Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного филологического факультета, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Россия, г. Краснодар, annemyka@yandex.ru

Лягина Елизавета Игоревна, магистрант 2 года обучения филологического факультета, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Россия, г. Краснодар, elizaveta.legina@yandex.ru

Рыбальченко Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет», Россия, г. Краснодар, rybalchenko Olga@mail.ru

Сапожников Павел Валерьевич, заместитель директора Института русского языка, Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, г. Москва, sapozhnikov-pv@rudn.ru

Anna A. Nemyka, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language, Faculty of Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Elizaveta I. Lyagina, 2-year undergraduate student of the Faculty of Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Olga V. Rybalchenko, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Speech Communication, Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia.

Pavel V. Sapozhnikov, Deputy Director of the Institute of the Russian Language, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.